

А. Э. Зайнутдинов

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ С. С. ШАШКОВА

Рассматривается научное и публицистическое наследие С. С. Шашкова — одного из лидеров движения сибирского областничества, историка и этнографа Сибири, исследователя социальных проблем. Выделяется два периода в творчестве ученого: областнический и постобластнический, при этом подчеркивается их внутреннее единство. Автор обращает внимание на сформулированный Шашковым принцип «прогресс—реакция» и его широкое применение как для понимания исторического процесса, так и для анализа социальных проблем.

Ключевые слова: история российской социологии, сибирское областничество, теория исторического процесса, исследования социальных проблем, женская эмансипация, детоубийство, проституция.

A. E. ZAINUTDINOV

SOCIOLOGICAL VIEWS OF S. S. SHASHKOV

It is explored the sociological views and ideas of S. S. Shashkov — one of the leaders of the Siberian regionalism of second half XIX — beginning XX centuries. The text begins from short biography of the researcher. We can distinguish two periods in the scientific heritage of Shashkov: Siberian regionalistic period and postregionalistic one. The analysis of sociological and socio-historical conceptions of author follows this division.

Keywords: Siberian regionalism, philosophy of history, progress-reaction, emancipation, infanticide, prostitution.

Серафим Серафимович Шашков (1841–1882) — один из лидеров движения сибирского областничества, общественный мыслитель и исследователь. В своих ранних статьях и публичных лекциях и выступлениях он пропагандировал общественно-политические идеи областничества. В поздний период своей относительно недолгой жизни Шашков отошел от областничества и переключился на анализ социальных проблем, таких как эмансипация женщин, детоубийства, проституция, посвятив этим темам несколько научных работ. Конечно, Шашков

не был социологом в строгом смысле этого слова. Его работы написаны в то время, когда социология еще только становилась как самостоятельная область знаний, поэтому корректнее говорить о его социологических, исторических, социально-философских взглядах. Тем не менее С. С. Шашков занимает достаточно видное место в дореволюционной российской социологии, а изучение его социологических взглядов в рамках истории российской социологии вносит ценный вклад в копилку социологического знания.

До сих пор творчество С. С. Шашкова остается недостаточно изученным, несмотря на ряд появившихся в разное время работ (Бородавкин 1950; Дубовской 1916; Гатина 1968; Иванов 1975; Моисеев 1966, 1968; Цамутали 1971; Шиловский 1998). Из недавних работ следует отметить сборник «Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества» (2010) и блок статей о сибирском областничестве, опубликованных в «Журнале социологии и социальной антропологии» (Журнал социологии и социальной антропологии 2013 № 1). В блоке представлено три статьи, и в каждой из них есть упоминания о Шашкове и его научном творчестве в контексте общей концепции и деятельности сибирских областников (Головинов 2013; Малинов 2013; Троицкий 2013).

Серафим Серафимович Шашков родился 17 ноября 1841 г. в Иркутске в семье бедного священника. Его мать происходила из купеческого рода, она научила сына грамоте. С самого раннего возраста Серафим любил читать. Детство Шашкова, по словам его биографа А. С. Слабкого, не изобиловало «светлыми днями и радостными впечатлениями; наоборот, ему пришлось претерпеть нужду и много огорчений» (Слабкий 1967: 7). В 9 лет родители определили Серафима в уездное духовное училище, где сначала он был вольнослушателем, а в 1853 г. перешел на постоянное обучение. Год спустя Шашков перешел в Иркутскую семинарию, где проучился до 1860 г. Впоследствии он тепло вспоминал учителей семинарии, которые нередко позволяли себе прочитывать кое-что неположенное по программе. В 1857 г. отец Шашкова ушел в отставку и переехал в г. Кяхту, поэтому Шашков был вынужден сам искать себе жилье в Иркутске. Он поселился у воспитателя семинарии Н. И. Попова. С разрешения Попова Шашков пользовался его обширной библиотекой, а также стал посещать городскую. В 1858 г. на страницах «Иркутских ведомостей» появляется первая публикация Шашкова «Буряты Иркутской губернии, их нравы, обычаи,

верования, легенды, песни». Уже в этой статье заметны областнические мотивы: Шашков встает на защиту угнетенного народа.

После окончания духовной семинарии Шашков как успешный студент был зачислен за казенный счет в Казанскую духовную академию. В ней преподавались те же самые предметы и царил тот же дух схоластики, что и в семинарии. Такие содержание и форма обучения вызывали возмущение у Шашкова. Однако в академии были и оппозиционно настроенные преподаватели: А. П. Шапов, Д. Ф. Гусев, которые своими идеями значительно повлияли на С. С. Шашкова. В некотором отношении Шашкова можно считать учеником А. П. Шапова. Осенью 1861 г. Шашков приезжает вместе с Шаповым в Петербург и становится вольнослушателем университета. В Петербурге он начинает посещать сибирский земляческий кружок, где знакомится с Н. М. Ядринцевым, Г. Н. Потаниным, И. В. Федоровым-Омулевским и другими областниками. От них С. С. Шашков заражается областническими идеями и сам становится горячим поборником областничества. Однако уже через несколько лет областнический кружок распадается вследствие вынужденного отъезда на родину его участников после закрытия университета. Кроме того, областники всегда понимали, что настоящая работа должна вестись ими на родине — в Сибири, а Петербург является в их жизни лишь этапом получения образования.

В 1864 г. С. С. Шашков по предложению Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина прочитал в Томске пять публичных лекций по истории Сибири. «Лекции эти явились настоящей сенсацией, они были пронизаны ненавистью к колонизаторской политике царизма. После этого Шашкову запретили читать публичные лекции и установили за ним полицейский надзор. Шашкова привлекали по делу о сибирском сепаратизме» (Слабкий 1967: 13–14). Как и остальных областников, Шашкова в 1869 г. приговорили к ссылке на север — в г. Шенкурск Архангельской губернии. Там он начал отходить от областнических идей и обратился к аналитике социальных проблем. Лучшими его работами этого периода являются: «Русские реакции», «Движение русской общественной мысли в начале XIX века», «Исторические судьбы женщины», «Главные эпохи в истории русской женщины», «Судьбы Испании», «Судьбы Италии», «Недуги русского общества», «Поучительная история о немцах» (Шашков 1898а, 1898б).

Осенью 1873 г. Шашкову в связи с болезнью разрешили поселиться сначала в г. Боброве Воронежской губернии, а затем и в самом Воронеже. В феврале 1874 г. его освободили от формального полицейско-

го надзора. После этого Шашков, который стремился быть ближе к Петербургу, переехал вместе с женой в Новгород. Здесь он прожил до своей смерти в 1882 г. «Нищенское, полуголодное существование Шашкова, длительное тюремное заключение, многолетняя ссылка, напряженная публицистическая деятельность и связанные с ней бесконечные цензурные мытарства, постоянный полицейский террор — все это, вместе взятое, серьезно подорвало его здоровье. Заболевание спинного мозга вызвало паралич нижних, а позже и верхних конечностей. Восемь лет мучил его этот страшный недуг. Последние два года Шашков был прикован к постели, но до последней минуты жизни не переставал трудиться» (Слабкий 1967: 29).

Концепция исторического процесса С. С. Шашкова

Свои взгляды на исторический процесс С. С. Шашков изложил в цикле работ «Исторические этюды» (Шашков 1898б), написанных в «областнический» период его творчества — до ссылки. Этот цикл состоит из 6 этюдов: первые два посвящены истории «реакций», последние четыре — истории Сибири. Как пишет сам Шашков, сибирские этюды, на первый взгляд, не связаны с первыми, однако «и те, и другие проникнуты одной идеей, занимаются одними и теми же проявлениями народной жизни. Они посвящены изображению той системы злоупотреблений, которая, опираясь на невежественную, неразвитую массу, преследует одни только сословные или корпоративные интересы, задерживая прогрессивное развитие народа и воспитывая его в понятиях и чувствах традиционного консерватизма. Из четырех последних этюдов читатель увидит результаты осуществления тех ретроградных принципов, истории которых посвящены два первых этюда» (Шашков 1898б: 225).

Центральной мыслью, которая проходит сквозь все работы С. С. Шашкова, является формула «прогресс—реакция». Наиболее явно эта формула представлена именно в «Исторических этюдах», однако она проходит и в других работах. С. С. Шашков видит в историческом процессе чередование этапов прогресса и реакции. В жизни общества всегда появляются прогрессивные идеи, они накапливаются, оформляются в концепции и социальные проекты, в обществе нарастает потенциал для развития. В зависимости от конкретных исторических условий прогресс может иметь форму революции, гражданской войны, возникновения оппозиции, реформ. Однако после периода

прогресса неизбежно наступает период реакции. В обществе возникают реакционные силы, которые тормозят его развитие и даже отбрасывают его назад. Шашков считает, что «победа реакции никогда не бывает полной, и рано или поздно истина снова выходит на свет. Прогрессивные идеи не умирают; вследствие реакционных преследований они только усиливаются и, если можно так выразиться, делаются взрывчатыми. Реакция — это незаконная мать заговоров, тайных обществ, политических утопий, бунтов и революций» (Шашков 1898б: 489). Таким образом, Шашков понимает исторический процесс как неизбежное прогрессирующее развитие общества, состоящее из двух этапов: прогресс и реакция. Ключевую роль в историческом процессе играет интеллигенция, потому что для прогресса общества необходимо сначала появление прогрессивных идей, концепций и проектов. Интеллигенция — это люди, которые способны порождать такие идеи.

Концепция исторического процесса Шашкова теоретически смыкается с концепцией французского социального мыслителя А. Сен-Симона, а в отечественной мысли приближается к концепции П. Л. Лаврова. Сен-Симон и его ученики выделяли в истории созидательные органические и разрушительные критические периоды, ведущие в итоге к построению более высокого общественного строя. Однако наиболее близка историческая концепция Шашкова пониманию исторического развития у П. Л. Лаврова, который также выделял в нем два этапа: прогрессивный период созидания и переработки культуры мыслью и реакционный период разрушения культуры. П. Л. Лавров отводил ключевую роль в историческом развитии критически мыслящей личности. Личность путем воздействия своей критической мысли перерабатывает формы культуры, и в результате этой переработки происходит переход от одного исторического фазиса развития к другому.

Надо признать, что концепция Шашкова о прогрессе и реакции лишь в некоторой степени вызвана его теоретическими представлениями. Идея прогресса, конечно, идет от увлечения позитивизмом. А учение о регрессе может быть вызвано общим обличительным настроением публикаций Шашкова, принадлежавшего к критическому и обличительному направлению в русской публицистике. Показывать негативные явления и осуждать их для него было предпочтительнее. В целом в его работах можно найти мало позитивного, но больше критики.

Таким образом, концепция исторического развития С. С. Шашкова укладывается в рамки народнической историко-социологической

традиции с ее выделением и высокой оценкой роли «критически мыслящей личности», интеллигенции. Шашков обращается к вопросу воспроизводства интеллигенции в обществе и в связи с этим подчеркивает значение периодической печати и журналистики. Для того чтобы интеллигенция могла образовываться и восполняться, обмениваться идеями и выполнять свою функцию — влиять на общество, культуру через прогрессивные идеи, — необходимо наличие развитой системы периодической печати. Шашков пишет: «Периодическая печать — одно из величайших созданий новейшей цивилизации, один из главных двигателей всемирного прогресса. Она просвещает массы, возбуждает и поддерживает их мыслительную деятельность, объединяет партии и народы, делает читателя участником и свидетелем всемирной человеческой жизни и деятельности. Все отправления народной жизни теснейшим образом связаны с журналистикой, и газета служит такою же потребностью образованного человека, как пища и воздух» (Шашков 1898б: 206). Поэтому, делает вывод Шашков, «характер, степень развития и влиятельности печати вполне соответствуют характеру и степени развития народа» (Шашков 1898б: 206). Если народ развивается, то растет и его потребность в журналистике: «периодическая печать становится одним из существенных отправлений его жизни, а потому тем более он заботится об ее благосостоянии и процветании» (Шашков 1898б: 206).

Свои идеи областники стремились воплотить на практике. Что касается вопроса об интеллигенции, областники пытались создать систему воспроизводства и воспитания интеллигенции в Сибири. Они боролись за открытие первого университета, активно печатались в журналах, сами организовывали периодические издания, читали публичные лекции. В частности, после приезда из Петербурга в Красноярск в 1863 г., Шашков начал выступать на литературных вечерах, в 1864 г. он открыл частную школу, куда приглашал многих прогрессивных учителей. В 1864 г. он преподавал всеобщую историю в местной женской гимназии и в том же году прочитал в Томске пять публичных лекций по истории Сибири. В 1865 г. началось дело о сибирском сепаратизме, в результате которого многих областников, и в том числе Шашкова, приговорили к ссылке. Находясь в ссылке, С. С. Шашков отошел от областнических идей и практической политической деятельности и занялся аналитикой социальных проблем.

«Женский вопрос» в исследованиях С. С. Шашкова

Во второй половине жизни Шашков обратился к историко-социологическому анализу социальных проблем и особое внимание уделил различным сторонам «женского вопроса», в частности, таким, как бедность, эмансипация женщин, детоубийство, проституция. Все эти социальные явления С. С. Шашков рассматривал в длительной исторической ретроспективе. В дополнение к принципу историзма автор применяет социологический аналитический подход для объяснения этих явлений. Нужно отметить, что Шашков не был новатором в исследовании подобных социальных проблем. Как показывает видный исследователь дореволюционной социологии И. А. Голосенко, к проблемам бедности, нищенства обращались также Н. И. Костомаров, А. П. Щапов — учителя Шашкова, — А. Забелина, Н. Бочечкарова, М. Воронова, А. Левитова, М. Курбановский, И. Прыжов. Проституцию исследовали А. Сабанин, И. Приклонский, А. Елистратов, М. Кузнецов, В. Тарновский, А. Федоров, Н. Краинский.

В своих исследованиях Шашков использовал междисциплинарный подход, применяя социологические, исторические, статистические методы. Социальные проблемы и явления Шашков анализировал через свою формулу «прогресс—реакция». Так, женскую эмансипацию он рассматривал как прогрессивное явление, вместе с которым также прогрессирует институт семьи. С. С. Шашков считает, «...женщина и семья — это такие же исторически-родственные понятия, как гражданин и государство, солдат и войско, священник и церковь. Эмансипация женщин тесно связана с реформой семейного института...» (Шашков 1898а: 1). К теме семьи и эмансипации Шашков обращается в нескольких своих работах: «Исторические судьбы женщины», «История русской женщины», «Проституция» (Шашков 1898а).

Шашков пытается проследить положение женщины и процесс эмансипации к его истокам. Данный процесс, как и любое другое общественное явление, не является изолированным, а находится в тесной взаимосвязи с положением различных общественных институтов и общим цивилизационным развитием общества. Так, положение женщины и семьи анализируется в связи с формами собственности, религией, культурой. Шашков пишет: «Семейные принципы проникают собою всю нравственную и социальную жизнь народа» (Шашков 1898а: 68). А поскольку форма семьи неразрывно связана с положением женщины в обществе, то отношение к женщине очень показатель-

но. С характером семейных отношений и положением женщины связаны, в числе прочего, образование и характер государственности. Очень большую роль, по мнению Шашкова, женщины играют в деле сохранения культурного наследия. «Женщины всегда служат лучшими хранительницами народных обычаев, верований, сказаний, песен, костюмов и т. д. Они гораздо консервативнее мужчин...» (Шашков 1898а: 56). Благодаря развитию института семьи возникают более тесные связи внутри и между семьями, семьи объединяются в роды, которые в свою очередь объединяются в племена, которые образуют государство. Шашков пишет: «По мере развития общества, по мере его выхода из первобытного состояния изолированных семей, семейная институция приобретает больше и больше прочности. Союз семей образует род, союз родов — племя, союз племен — государство» (Шашков 1898а: 57).

По Шашкову, эмансипация женщин — это исторический процесс, берущий свое начало в возникновении патриархата. Шашков пишет: «Ошибка людей, держащихся мнения о новейшем происхождении эмансипации, заключается, главнейшим образом, в том, что они дают понятию эмансипация чересчур узкие границы и, определяя его в смысле современных эмансипационных доктрин, забывают о тех ужасных положениях, от которых женщина избавилась уже навсегда, освобождаясь от них с упорной настойчивостью в продолжение тысячелетий» (Шашков 1898а: 1). Таким образом, Шашков предлагает понимать феномен эмансипации женщин не просто как современное ему новое социальное явление, а как следствие установления в патриархате неравноправия мужчин и женщин. Несмотря на историческое доминирование формы патриархата на протяжении многих столетий, процесс эмансипации женщин неизбежно шел и набирал обороты, и современное Шашкову движение эмансипации — это лишь следствие исторических предпосылок, а не новейшей феномен.

В результате усиления процессов эмансипации, «начиная с XVI в., женщины приобретают сильное влияние на государственные дела» (Шашков 1898а: 238). Однако, несмотря на успехи в эмансипации женщин, процесс этот еще продолжается и далек от завершения, считает Шашков. При этом закон исторического процесса, по которому за явлением прогрессивным неизбежно следует реакция, осуществляется и здесь. «По общему закону исторической жизни, изображенные нами выше стремления женщины должны были вызвать сильную реакцию против их дела. И реакция не заставила себя ждать, она настала, она

явилась во всеоружии под формою религии, науки, полиции, общественного мнения» (Шашков 1898а: 425). Шашков ссылается на мормонство как одного из наиболее яростных противников эмансипации женщины. Однако Шашков убежден в том, что победа реакции никогда не бывает полной и прогресс в обществе неизбежен, а следовательно, неизбежна и окончательная эмансипация женщины, поскольку «совместное существование развитой, прогрессивной общественной жизни и патриархальных порядков положительно невозможно, равным образом невозможно и восстановление последних там, где они уже разрушены» (Шашков 1898а: 452). И в итоге, делает вывод Шашков, «пора бы понять людям, что не только задерживать, но даже пассивно относиться к делу женского освобождения, значит губить и развращать нравственность народа, разрушать семейство, совращать женщин на путь лжи, порока и преступления. Неравенство есть рабство, а рабство портит и господ, и невольников» (Шашков 1898а: 239). Подобные высказывания о «должном», моральные оценки характерны для ученых того времени. Как отмечает И. А. Голосенко, «сочетание этих двух моментов — “объективности” и “должного” — свойственно русской до-революционной социологии в целом» (Голосенко 2002: 23).

Другим социальным явлением, находящимся в тесной связи с уровнем и состоянием общественного развития, является уровень детоубийств. Феномен детоубийства — это еще одна социальная проблема, которую исследовал Шашков. Комплексный историко-социологический анализ феномена детоубийств автор проводит в работе «Детоубийство» (Шашков 1898а). Как и феномен эмансипации, детоубийства Шашков начинает исследовать с исторической ретроспективы явления, обращаясь к анализу феномена у диких народов. У диких народов «дети, как существа слабые, представляют собой рабов, собственность их сильного отца. ...Как боги сотворили мир, так и отец сотворил своих детей. Как боги властители вселенной, так и отец — властитель своих детей» (Шашков 1898а: 459). «У дикого народа положение детей самое несчастное: отец делает с ними что хочет, и никто не может да и не думает вмешиваться в его домашние дела, в распоряжение его собственностью» (Шашков 1898а: 460). Причем «с переходом дикого народа к общественной жизни, такой порядок вещей не только не прекращается, но даже санкционируется писаным правом» (Шашков 1898а: 460).

Главной причиной детоубийств Шашков считает бедность, что ставит это феномен в один ряд с проблемой проституции, нищенства

и пьянства. Он пишет: «Чем беднее общество, тем ниже уровень его материального существования, тем слабее любовь родителей к детям и тем выше цифра детоубийств, совершаемых под влиянием гнетущей нужды. Дети — первая жертва такого ненормального порядка вещей. Кроме того, детоубийство имеет непосредственное отношение к организации брака, семейства, к воспитанию, и вообще к тем основным принципам, на которых установлена политическая и общественная форма народной жизни» (Шашков 1898а: 459). Бедность выступает причиной детоубийств не только у диких народов, но и у развитых и цивилизованных. «Те же самые причины — бедность, непропорциональность народонаселения материальным средствам и несчастное положение женщины — делают детоубийство необходимою принадлежностью жизни не одних диких, но и культурных народов» (Шашков 1898а: 466).

Причем «если голод достигает высшей степени, то эти непродуцируемые члены истребляются *производительно*, то есть съедаются теми, кто их убивает. Голод служит самую сильную и, у большинства антропофагов, единственную причину людоедства» (Шашков 1898а: 461). Другой причиной детоубийств у диких народов являются религиозные верования. У многих диких народов дети убивались для жертвоприношений богам. «Религии варваров также доводили их до детоубийства с целью умилостивления богов кровью малюток. Кроме прямых свидетельств о жертвоприношении детей на это указывают и известия о приношении в жертву взрослых людей, с которым почти всегда неразлучны и жертвенные детоубийства» (Шашков 1898а: 484—485). «Кроме этих жертвоприношений дети у дикарей погибают еще вследствие суеверного страха, внушаемого им родителями. Убиваются уроды или дети, родившиеся под неблагоприятными предзнаменованиями» (Шашков 1898а: 474). Однако вклад религии в количество детоубийств в процессе исторического развития неуклонно снижается, показывает Шашков. «С развитием европейской цивилизации две упомянутые причины детоубийства — юридический абсолютизм отцовской власти и религиозное суеверие — постепенно исчезали. С ними вместе исчезали и принесение детей в жертву, и смертные казни детей, совершаемые отцами. Но так как это были не единственные причины детоубийства, то оно и не прекращалось» (Шашков 1898а: 485).

В результате своего исследования Шашков приходит к выводу, что уровень детоубийств в первую очередь связан с благосостоянием

народа. «Причины распространения и усиления детоубийства в современной Европе заключается главным образом в постепенном обеднении народных масс» (Шашков 1898а: 493). Анализируя статистику, Шашков приходит к выводу, что количество детоубийств постепенно увеличивается. Автор приводит цитату из «Журнала Министерства Юстиции» за 1862 год, № 4: «Преступления этого рода не только не уменьшаются, а, напротив, год от году увеличиваются, и никакие угрозы закона, никакие полицейские меры не в состоянии воспрепятствовать их совершению.»

Вне зависимости от уровня культурного и политического развития общества, причины детоубийств в разных обществах одни и те же: бедность, зависимое положение женщины, переизбыток населения. «Чем беднее общество, тем ниже уровень его материального существования, тем слабее любовь родителей к детям и тем выше цифра детоубийств, совершаемых под влиянием гнетущей нужды» (Шашков 1898а: 459). Так, Шашков считает неэффективным государственный институт детских домов: «система безразличного принятия законных и незаконных детей усиливает детовыбрасывание, развращает родителей и обременяет государство огромными расходами на содержание найденышей, большинство которых в первые годы жизни погибает» (Шашков 1898а: 560). Ответ Шашкова звучит следующим образом: «Чтобы уничтожить известное явление, надо уничтожить самую причину, порождающую его. ...Если мать убивает свое дитя в большинстве случаев из страха, голода и холода, то надо всех матерей накормить и одеть и т. д.» (Шашков 1898а: 550). Кроме непосредственного влияния на распространение детоубийства, бедность вызывает или усугубляет и другие социальные проблемы. Она усиливает пьянство, притупленность нравственных и физических чувств, производит болезненную раздражительность, жестокость характера, даже повергает людей в сумасшествие, — а все это сильно содействует совершению рассматриваемых злодеяний. Далее, бедность усиливает половой разврат, разрушает семейную жизнь, производит громадное число незаконных рождений» (Шашков 1898а: 565).

Еще одним последствием бедности, которое исследует Шашков, является распространение проституции. С. С. Шашков в своих исследованиях характеризует феномен проституции как социальную болезнь в терминологии подхода социальной патологии. «Проституция есть результат известных социальных порядков; у народов, стоящих на низшей ступени общественного развития, нет и проституции, по крайней мере,

в той форме, в какой она появляется с началом цивилизации» (Шашков 1898а: 569). Данное положение разделяли многие исследователи в дореволюционной России. Как пишет И. А. Голосенко, дореволюционные исследователи проституции высказали две гипотезы о возникновении и функционировании проституции — антропологическую и социологическую (Голосенко 2002: 217). Антропологическая гипотеза настаивала на существовании женщин, генетически обреченных на постоянное провоцирование проституции, социологическая школа, в свою очередь, считала, что «ничто так не способствует проституции, как материальная нужда и законодательная необеспеченность женщины на рынке труда» (Голосенко 2002: 219). Очевидно, что Шашков примыкает к социологической школе, так как главной причиной проституции, детоубийств, пьянства и других социальных проблем он считал бедность: «статистические данные, несомненно, доказывают, что все почти без исключения публичные женщины происходят из класса рабочих или бедных крестьян» (Шашков 1898а: 622). «Бедность, всевозможные соблазны, молодость, неопытность, нравственная неразвитость, дурные условия труда — все толкает женщину на путь порока» (Шашков 1898а: 887). Поэтому, как заключает Шашков, «пока не изменятся социальные отношения, пока народные массы не поднимутся из бедности и не разовьются нравственно, пока не освободится женщина, пока современная цивилизация не вступит на более высокую ступень своего развития, — до тех пор ужасная болезнь неизбежна, неизлечима, неискоренима, какие бы пожертвования ни делала филантропия для ее предварения и каких бы мер ни выдумывали юристы для борьбы с нею» (Шашков 1898а: 566).

В заключение отметим, что С. С. Шашков оставил после себя довольно значительное научно-публицистическое наследие по различной, но взаимосвязанной тематике: сибирское областничество и его роль в истории, теория исторического процесса, история и этнография Сибири, женская эмансипация, проблема детоубийств, проституции. В работах С. С. Шашкова содержится масса ценных статистических данных, этнографических описаний, исторических наблюдений, аналитических и обобщающих суждений. Работы Шашкова, как это было довольно типичным для дореволюционных социологов и обществоведов, содержат как объективный анализ фактов, так и призывы к изменениям в соответствии с представлениями о «должном». С. С. Шашков вписал себя в историю российской общественной мысли как один из лидеров сибирского областничества и социальный исследователь.

Как и все областники, Шашков в своих теоретических позициях при-
мыкал к направлению народничества. Наиболее близкими ему по духу
народниками выступают Н. И. Костомаров, А. П. Щапов, П. Л. Лав-
ров. Изучая современный сибирский регионализм или сибирское об-
ластничество в дореволюционной России, невозможно оставить в сто-
роне вклад С. С. Шашкова.

Источники

- Бородавкин А. П.* Публицист С. С. Шашков и его исторические воззрения: ав-
тореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1950.
- Гатина С. Х.* Женский вопрос в сочинениях С. С. Шашкова // Казанский уни-
верситет: сб. аспирантских работ. Гуманитарные науки. Право. История. Казань,
1968. Кн. I.
- Головинов А. В.* Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев: через патриотическое просве-
тительство к межэтнической социальной интеграции // Журнал социологи-
и и социальной антропологии. 2013. № 1. С. 53–60.
- Голосенко И. А.* Социологическая ретроспектива дореволюционной России:
Избранные сочинения: в 2 кн. / под ред. В. В. Козловского. СПб.: Социол.
о-во им. М. М. Ковалевского, 2002. 304 с.
- Дубовской К.* Историк и друг женщин (С. С. Шашков) // Дубовской К. Рожде-
нные в стране изгнания. Пг., 1916.
- Иванов В. Н.* История народов Северо-Востока Азии в исторической концеп-
ции С. С. Шашкова // Вопросы истории и социологии народов Якутии.
Якутск, 1975.
- Литературное наследство Сибири. Т. 4. Новосибирск: Зап.-Сиб. книжн. изд-во,
1979. 349 с.
- Литературное наследство Сибири. Т. 5. Новосибирск: Зап.-Сиб. книжн. изд-во,
1980. 405 с.
- Малинов А. В.* Областничество в истории русской мысли // Журнал социологии
и социальной антропологии. 2013. № 1. С. 41–53.
- Моисеев П. И.* Общественно-политические и социологические взгляды
С. С. Шашкова: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1966.
- Моисеев П. И.* Социологические взгляды С. С. Шашкова (вторая половина
XIX века) // Ученые записки Иркутского государственного педагогическо-
го института. Сер. Общественные науки. 1968. Вып. 32.
- Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли:
К 150-летию сибирского областничества / под ред. А. В. Малинова. СПб.:
Изд. дом. С.-Петербурга. гос. ун-та, 2010.
- Слабкий А. С.* Жизненный путь С. С. Шашкова. Харьков: Изд-во Харьков. гос.
ун-та им. А. М. Горького, 1967. 40 с.
- Собрание сочинений С. С. Шашкова: в 2 т. Т. 1. СПб., 1898а. 894 с.

Собрание сочинений С. С. Шашкова: в 2 т. Т. 2. СПб., 1898б. 656 с.

Троицкий С. А. Областничество в российской гуманитарной научной литературе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1. С. 60–78.

Цамутали А. Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60–70-х гг. XIX в. Л.: Наука, 1971.

Шиловский М. В. «Вся его жизнь сосредоточивалась в умственном труде...» // Сибирская старина. 1998. № 13 (18).

Юдин А. И. П. Л. Лавров о понимании закона в истории // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5. Ч. 1. С. 207–212.